

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Из блокнота журналиста

СВЕТ ЛЮБВИ

Женщина умира- ла. Ей уже не было больно. Боль отступала куда-то в подсознание, и только веки, вздрагиваю- щие от еще не погасшего трепета жизни да скорбный рисунок рта выдавали страдание. У постели неотлучно дежурили врачи, но ни милосердие, ни точная диагностика, казалось, не могли предотвратить беду. Новая жизнь рождалась в муках, грозя гибелью матери. Об этом знал он, отец ребенка, неподвижно сидевший в зале ожидания. Знал и надеялся: такова уж натура человека — верить в возврат счастья и тогда, когда рушится последний мостик надежды.

То, что дитя их любви несло столько мук, представлялось кощун- ством. Их трудной любви... Он, муж, отдал бы сердце, но оно слишком часто обижало то, другое, которое, быть может, замирает сейчас в последнем рывке; он отдал бы кровь свою, но она несовместима с той, что еще питает жизнь его ребенка. В этом естественном делении человеческой крови на группы измученный мозг тоже улавливал что-то обидное. В голову лезли отрывочные мысли, память рисовала картины пережитого, и сердце сжималось от запоздалой нежности.

В тишине гулкого коридора по- слышались шаги. В глазах мужчины, напряженно смотревших на нянечку, было столько мольбы и испуга, что та

только махнула рукой и ушла опять куда- то туда, откуда доносился приглушенный стон. Там, в белой комнате, срочно вызванная в родильный дом хирург- консультант склонилась над измученным телом женщины. Совершалось одно из великих таинств жизни.

Нянечка подошла к постели мо- лодой матери. Она не говорила обычных бодрых слов, только произнесла:

— Твой-то так глазами и спра- шивает.

А женщине это было лучшее ле- карство. Мысленно представила она любимое лицо, милую привычку поднимать в раздумье брови, так много когда-то сказавшую ей. Губы тронула улыбка.

...За окном синел рассвет. Он заливал все вокруг легким, зыбким светом, в открытое окно тянуло запахом снега, сырых веток, напомнившим их ту, первую весну. Неслышно плывущие по небу облака совершали свой извечный путь величаво, торжественно, и такими нелепыми показались обиды, упреки, размолвки. Внимая краскам и звукам утра, мать, подарившая миру новую жизнь, думала о том, что все теперь у них должно быть лучше, бережней, потому что к земным радостям и заботам вернул ее свет любви.

ТРОПИНКА К СЕРДЦУ

С ним никому не было сладу. Но особенно озорничал Игорь на уроках.

Смышленный, с каким-то обостренным восприятием, он всех охватывал на лету и резерв времени использовал уже по-своему. А фантазия и выдумку у мальчишки была поистине неистощима. То он «гипнотизировал» соседа по парте устрашающими манипуляциями, и класс покатывался со смеху, то будто в забывчивости насвистывал популярный мотивчик, то, грохоча о парту, нарочито ронял костыль.

Костыль!.. Ребенок был изувечен при бомбежке. В прифронтовом госпитале, куда Игоря доставили освободившие город советские воины, врачи еле спасли мальчика от гангрены. Ногу и кисти обеих рук пришлось ампутировать. Долго, заботливо лечили Игорька, полюбив сироту, как родного. Сложные пластические операции позволили держать в руке ложку, карандаш, для ноги был заказан протез.

Война поранила не только тело, но и душу подростка. С каким-то ожесточением относился подчас мальчик к товарищам, к взрослым, как бы подчеркивая этим свою исключительность. Он был то хмур и недобр, то порывисто нежен. Капризы, растроганность сменялись в сердце этого рано повзрослевшего ребенка горечью обид, и в такие минуты у воспитателей не поворачивался язык делать замечания...

Учился Игорь блестяще, но это как-то никого не радовало — уж очень тревожила черствинка в характере. Неожиданно одно обстоятельство изменило поведение подростка. Игорь рисовал. Страсть эта овладевала им все сильней и сильней. Игорь создавал рисунок объемный, легкий, каждый штрих будто звучал. И это было тем более удивительно, что рисовал мальчик, зажав карандаш в зубах, придерживая его обрубком руки. Первой школой юного рисовальщика были гравюры и репродукции, подаренные воспитанникам интерната шефами. Подолгу всматривался в них Игорек, разгадывая влекущий мир красок и линий, и, кто

знает, может, так бы и не пророс росток, не затронь добрый человек заветную струну. Таким человеком оказался новый учитель — профессиональный художник, с оружием и этюдником в руках прошедший всю войну. Этот человек тоже нес в своем теле печать войны. Контузия и осколки давали себя знать и в непогоду, и в минуты душевного волнения.

Дружба началась с первой встречи. Видно, сближали их искусство и общность судьбы. После занятий в изокружке подолгу оставались они вдвоем в студии, и Егор Степанович — так звали художника — рассказывал мальчонке о пережитом, о побратимстве в труде и в бою. Иногда, растревожив себя воспоминаниями, он внезапно замолкал и, спрятав в планшетку фронтвые наброски, уходил домой. Понял Игорь, что и как хотел выразить Егор Степанович в своих батальных зарисовках, познал и полные хлебного запаха пейзажи Пластова, трагизм знаменитой его картины «Фашист пролетел», на которой — летний зной, уткнувшийся в траву пастушонок...

Ребятишки часто веселой гурьбой провожали Егора Степановича, а Игорька крепнущая близость удерживала от проявления чувств. Был он, казалось, по-прежнему строптив, замкнут. Но однажды подкараулил Егора Степановича у старых ворот, откуда расстилался пологий спуск к реке, и, застенчиво хмурясь, подошел. Художник направлялся на этюды. По тому, как блеснули глаза, понял Игорь, что учитель тоже рад видеть его.

...Друзья долго сидели у косогора, любуясь белевшими вдали тополями. Потом Егор Степанович стал с особой тщательностью прилаживать мольберт. Когда все было готово, подозвал Игоря. Мольберт был поставлен по росту мальчика, в ложбинке доски лежали карандаши, кисть. Палитра учителя! Прежде чем стать за мольберт, Игорь уткнулся лицом в грудь друга.

...Несколько лет тому назад я случайно встретила Игоря в Одессе.

Он стал художником-

профессионалом, специалистом по книжной графике. В альбоме его школьных лет до сих пор хранится копия того пейзажа, который писал Игорь в августовский день над Кубанью. Оригинал картины Игорь тогда же подарил ребятам из седьмого «а».

Я САМ

Автобус шел ритмично, пружиня на поворотах.

С каждой остановкой людей все прибывало. Наступал тот час пик, когда габариты машин расширяются до предела. На одной из остановок пошел народ особенно дотошный — детвора. У нее оказались дела неотложные: были каникулы, и ребята спешили — кто в Дом пионеров, кто в кукольный театр. Мальчишки понастырнее норовили проскочить в первую дверь, девочки теснились в сторонке. Но вот подножку осилил самый маленький. Он вошел в автобус в сопровождении бабушки. Вид у него был невозмутимо-спокойный.

Мальчуган вскарабкался на свое законное место, протер стекло и прильнул к нему носом: там, на улице, в быстром темпе, двигался такой разный, удивительный мир. Казалось, толчея, реплики, весь привычный микроклимат автобуса были совсем не интересны мальчику, — сосредоточенно обозревал он мокрый асфальт в подпалинах листьев, троллейбусы, что моргали ему зелеными огоньками, новостройки, мимо которых юрко и весело мчал автобус. Казалось... Но дети замечают все.

— Я сам, я сам! — зашпешил, заволновался мальчик, когда услышал голос бабушки, уступившей свое место мужчине на костылях.

— Куда ты, Олежка, куда? Сиди, — унимала женщина внука, а тот, работая локтями и коленками, выталкивался из первого ряда.

«Я сам»...

Мудрая формула ребячьей само-

стоятельности. Ею утверждал сейчас малыш свою личность, свою готовность помочь дяде в форменном кителе. Толпившиеся вокруг люди с нежностью смотрели на мальчишку, а он снова ничего не видел, кроме кабины водителя, в которую заглядывал с боязливым любопытством.

РЯБИНУШКА

Тихой была в этот час густо пропитанная запахом люпина деревенская улица. Неприхотливыми этими цветами полны в

Подмосковье палисадники: серые, с сиреневым отливом метелки люпина хорошо оттеняют трепетную, в жарком огне рябину, ту рябину, которую в народе ласково называют рябинушкой, и рисунок ее листвы переносят в узор ситца, скатерок, рушников. Но одно житейское наблюдение, пожалуй, ярче всего показало мне, какой несказанный смысл вобрало в себя это застенчивое слово. Произошло это тем же летом под Мытищами.

Мы гуляли с племянником в заречной полосе. Несмотря на близость воды, воздух был мягок и тепел. В траве стрекотали кузнечики, и не верилось, что где-то за полями шумит большой город с его напряженным ритмом, гулом автомашин. Нам захотелось повезти на Северный Кавказ что-нибудь на память о здешних местах. И мы, не сговариваясь, посмотрели на рябину.

Решив купить одну-две ветки (местные жители охотно продавали дачникам ягоды, цветы), направились к спрятанному в зелени дому. Постучали в калитку, никто не отозвался. Отошли, и вдруг услышали спокойный голос. Это окликнула нас хозяйка подворья, сидевшая на завалинке у соседей. Мы изложили нашу просьбу. Женщина выслушала внимательно — была она статной, несмотря на годы, по-русски красивой. Какое-то мгновение длилось молчание.

Глаза женщины посуровели.

— Рябину не продаем.

И смягчившись:

— Она, как земля родная. Корень живой!

Женщина широко повела рукой, разрешая наломать целую охапку. Будто в знак согласия, рябина кивала своей нарядной макушкой. Племяш мой мигом взобрался на дерево, но ломать ветки ему стало жаль, и он сорвал только одну гроздь. Дома она долго стояла у нас в стакане, пленительная своей неброской красотой.

ПОСИДЕЛКИ

о

Женщины пели. Негромко, слаженно, истоиво. Пели у подъезда огромного многоэтажного дома, забыв нескончаемых делах.

...День угасал, окутывая деревья лиловато-розовым облаком,— обнимало землю осеннее небо, торжественно тихое в этот предвечерний час.

«Ой вы, девоньки»,— неспешно выводил чистый голос и затихал, будто смущенный собственной дерзостью, но его тотчас же поддерживал второй, настырный, глуховатый. В узор песни вплетались все новые краски. Мелодия то смолкала, то вновь ручьилась напевно и ровно. И было это похоже на кадр из фильма: ведут за околицей душевный разговор соседки, с той лишь разницей, что околица-то легла магистралью современного шумного города...

Возвращались в свои квартиры запоздавшие прохожие, ярко вспыхивал в окнах электрический свет, а женщины все пели. Игравшие неподалеку мальчишки, прислушиваясь к этому концерту-экспромту, узнавали то голос матери, веселый и звучный, то неожиданно задиристый голос бабушки. Им, мальчишкам, тоже хотелось подтянуть, но брала робость: очень уж как-то необычно все, да и не терпелось урвать минуточку-другую, чтоб побыть на улице, которую взрослые называют

строгим словом «микрорайон».